
СОЦИОЛОГИЯ

DOI: 10.34020/2073-6495-2021-1-254-268

УДК 316.34

ИНСТИТУТ СЕМЬИ В СИСТЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ И ВОСПРОИЗВОДСТВА СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА

Вялых Н.А.

Южный федеральный университет

E-mail: sociology4.1@yandex.ru

В статье раскрываются методологические ориентиры научного изучения семейных отношений как пространства формирования и воспроизводства социального неравенства в обществе. Доказывается, что семья, несмотря на номинальную прозрачность каналов социальной мобильности в обществах с открытой системой социальной стратификации, продолжает оказывать решающее влияние на распределение статусных позиций. Ограничение современных представлений о дифференцирующей роли института семьи связано с редукцией социального неравенства к объективным факторам, хотя речь должна идти скорее о результате влияния социальной ситуации или индивидуальных черт, социальных ценностей, установок и культурных предрасположенностей. Показано, что в современных фамилистических исследованиях происходит методологический поворот от количественных социологических замеров социально-экономических и образовательных различий к качественным интерпретативным методикам, позволяющим вскрыть глубинные социокультурные факторы неравенства. В заключении автор приходит к выводу о том, что методологический плюрализм социологии семьи может стать источником амбивалентности государственной семейной политики по устранению избыточного социального неравенства.

Ключевые слова: социальное неравенство, институт семьи, брачно-семейные отношения, семейный капитал, социальная мобильность, социально-стратификационная структура.

FAMILY INSTITUTE IN THE SYSTEM OF FORMATION AND REPRODUCTION OF SOCIAL INEQUALITY

Vyalykh N.A.

Southern Federal University

E-mail: sociology4.1@yandex.ru

The article reveals methodological guidelines of the scientific study of family relations as a space for the formation and reproduction of social inequality in society. It is proved that the family, despite the nominal transparency of social mobility channels in societies

with an open system of social stratification, continues to have a decisive influence on the distribution of status positions. The limitation of the modern concepts of family institute' role in social differentiation is connected with the reduction of social inequality to objective factors, although it should rather be about the result of influence of the social situation or individual traits, social values, attitudes and cultural predispositions. It is shown that there is a methodological turn from quantitative sociological assessments of socio-economic and educational differences to qualitative interpretive practices in familistic studies that allow revealing the deep socio-cultural factors of inequality. The author comes to conclusion about the methodological pluralism in family sociology as a potential source of ambivalence of the state family policy on eliminate excessive social inequality.

Keywords: social inequality, family institute, marriage and family relations, family capital, social mobility, social stratification.

ВВЕДЕНИЕ

Социально-стратификационная структура современного общества становится все более аморфной, а социальные институты в цифровую эпоху перестали быть «фабриками» по воспроизводству социальных отношений, каковыми они назывались в солидаристской социологии Э. Дюркгейма. Современный радикальный конструктивизм исходит из того, что общества больше нет, личности нет, социальных отношений нет. Если руководствоваться этой логикой, то и социальный институт семьи – это тоже фикция, мысленный конструкт, обретающий себя лишь в языковых играх ученых и политиков. Едва ли люди, создающие новые и новые семейные группы, имеют целью реализовать общественно значимые функции воспроизводства популяции, социального контроля, экономической поддержки и пр. Первичным мотивом образования семьи являются скорее личные потребности человека, базирующиеся на иерархическом, половом и самосохранительном инстинктах. Но именно «пограничный» статус семьи как малой социальной группы и социального института традиционно формирует предметное поле социологических исследований. Поэтому суждения и выводы автора о дифференцирующей функции семьи в социальном пространстве будут выдержаны главным образом в методологической конструкции классической модели научной рациональности, в которой «есть» и общество, и люди, и социальный институт семьи.

Одними из самых обсуждаемых в отечественной научной литературе, если мы говорим о взаимоотношениях институтов семьи и экономики, являются вопросы социально-экономических мер регуляции демографических процессов, распределения трудовых и домашних обязанностей в семье, стабильности института семьи в контексте экономической безопасности общества, финансовой поддержки социально уязвимых семей [7]. Проблема же влияния семейного статуса на дифференциацию общества до сих пор не получила завершенного концептуального обрамления. На основе анализа современных российских и зарубежных научно-исследовательских практик в данной статье предпринята теоретико-социологическая интерпретация социальных индикаторов и механизмов формирования системы социального неравенства в функциональной триаде «общество – семья – человек».

СЕМЕЙНЫЙ КАПИТАЛ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА

Благодаря фактору семейной солидарности и частным межпоколенческим трансфертам в форме полезных контактов, доброжелательной эмоциональной связи, социальной и экономической помощи, финансовой поддержки, как отмечает Н.П. Сидорова, становится возможным воспроизводство социального неравенства в обществе [21]. Семья, с одной стороны, является интегральным каналом восходящей социальной мобильности, с другой – социальным пространством консервации бедности. В последний год интерес к семейному фактору социальной дифференциации вновь активизировался в связи с распространением новой коронавирусной инфекции. На взгляд зарубежных коллег, особенно интересным в контексте глобальной пандемии представляется изучение механизмов социальной адаптации семей из различных социальных и этнических (расовых) страт к объективным изменениям жизненного и экономического уклада [27].

Хотя в современных обществах с открытой системой социальной стратификации восходящая социальная мобильность зависит в большей степени от активности, усилий, таланта самого человека, недооценивать силу статусной социальной функции семьи не стоит. Передача («наследование») социального статуса давно перестала быть специфической функцией семьи, но человек при рождении обретает набор аскриптивных статусов (пол, место жительства, фамилию и имя, гражданство, национальность, родословную), которые влияют на вектор социальных перемещений личности в будущем, определяя индивидуальную для каждого из нас высоту стеклянного потолка достигаемых позиций. Несмотря на отчетливый тренд реформирования воспроизводственной функции семьи в современном российском обществе, обнаруживающий себя в снижении ориентации на продолжение рода и воспитание детей, в настоящий момент можно констатировать смещение функционала семейных структур в сторону повышения социального статуса супругов и детей, укрепления внутрисемейного партнерства, основанного на взаимоуважении и солидарности [16].

Брачно-семейная и детская проблематика все чаще включается в крупные социологические проекты в качестве составляющей при изучении социальной дифференциации, жизненного мира россиян, профессиональных ориентаций [9, с. 46]. Однако вопрос о силе влияния семьи на распределение статусов в социальном пространстве до сих пор остается без ясного ответа. А.В. Аперян и В.В. Ковалев считают, что для представителей структурного подхода характерно «игнорирование роли социальных акторов, в частности молодежи, ее личных ресурсов для достижения социально-статусных позиций», в то время как сторонники типологического подхода связывают социальное неравенство, и особенно проблему бедности, с типологическими качествами семьи, которые устанавливают барьеры социальной мобильности [2, с. 76].

А.В. Аперян по итогам реализации социологического исследования в Южном, Приволжском, Уральском и Сибирском федеральных округах обнаружила влияние семейного фактора на четыре измерения социального неравенства: образовательное, экономическое, региональное и гендерное.

Образовательное и экономическое измерения, по мнению исследователя, производны от ресурсного потенциала семьи, в то время как региональное и гендерное – от ее типологических особенностей. При этом регион и место проживания семьи (сельская местность, малый город, средний город, город-миллионник) имеет интегральное значение [1, с. 166], ведь именно от местожительства зависит вторичная социализация детей и подростков, их круг общения, качество школьного образования и уровень образованности товарищей по школе и двору [14, с. 168].

Важнейшим механизмом воспроизводства социального неравенства является воспитание в семье. По словам И.Ф. Дементьевой и З.Т. Голенковой, различный объем культурного и социального капитала семьи приводит к значительному ограничению в возможностях достижения жизненных целей, общественных благ и желаемого уровня жизни [10, с. 547]. К такому же выводу пришла Ю.В. Ушкова, проведя социологический опрос «Семья и ее роль в реализации жизненных планов молодежи» (2017 г., N = 900 чел. в возрасте 22–35 лет, проживающих в разных типах поселений Ульяновской области). Выяснилось, что первостепенное значение с точки зрения личностного успеха имеет ценностная система родителей, психологическая поддержка и приемы воспитания в семье (а не объем финансовых ресурсов семьи), поскольку от этих компонентов семейной культуры зависит умение распоряжаться экономическими, социальными и символическими ресурсами [24, с. 92].

А.В. Аперян и Л.В. Тарасенко для изучения роли семьи в формировании социального неравенства предлагают использовать два ключевых понятия: «социальные ресурсы семьи» и «качество семейной коммуникации», которые интерпретируются в рамках концепции семейного капитала [3, с. 187]. Операционализация данных понятий в социологическом дискурсе раскрывает контекст типологической характеристики семьи. По мнению ростовских ученых, все типы семей (высоко-, средне- и низкостатусные) обладают потенциалом изменения профиля социально-стратификационной структуры общества, однако высоко- и среднестатусные семьи обладают и социальными ресурсами, и качеством семейной коммуникации в качестве инструментов социального продвижения членов семьи, в то время как низкостатусные семьи обладают только свойством качества семейной коммуникации.

В социологии семьи традиционно наблюдается крен в сторону изучения роли формальных социальных индикаторов (доход, образование и здоровье), имеющих отношение к социальным ресурсам семьи, в становлении системы социального неравенства, а неформальные социальные индикаторы (частота взаимодействия внутри семьи, наличие эмоциональной связи между членами семьи, круг социальных связей родителей, совместное проведение досуга, формы досуга, наличие общих ценностей, частота конфликтов), как правило, провисают в современных социологических исследованиях [3, с. 194].

Говоря о смысложизненных ценностях в молодежной среде, Ю.А. Зубок и В.И. Чупров подчеркивают значимость исторического опыта, повседневного знания и личного опыта, накапливающихся в результате взаимодействия молодого человека с членами своей семьи и другими людьми. Резуль-

татом этого взаимодействия, с учетом рефлексивных и нерефлексивных механизмов переработки ментальных программ и архетипических конструктов в процессе семейной социализации, становится направленность поведенческих предрасположенностей (диспозиций) личности в изменяющемся культурном пространстве [11, с. 181–182].

Семейный капитал рассматривается как комплексное явление, комбинирующее ресурсы разного происхождения: культурные, экономические, физиологические, коммуникативные, причем, по результатам социологических наблюдений Ю.В. Ушковой, «в разных сферах жизни на реализацию жизненных планов молодых людей влияют различные ресурсы семейного капитала: на профессиональную успешность более весомое влияние оказывает объем культурных и образовательных ресурсов родителей; на экономическую – квалификационные и экономические ресурсы; на территориальные перемещения молодежи влияет приобретенная профессия и экономический статус родительской семьи» [24, с. 97].

Хотя в современном мире статус родительской семьи не передается по наследству детям, он все же «позволяет обеспечивать доступ к разного рода ресурсам, благодаря чему возникают условия для построения самостоятельной жизненной траектории молодого поколения» [23, с. 140]. Востребованность различных форм семейного капитала, по справедливому замечанию О.Ю. Посуховой, обусловлена существованием квазиоткрытой системы социальной и профессиональной мобильности в современном российском обществе. Конвертацию сетевых связей (клановости, землячества, ресурса профессиональных династий) в восходящую профессиональную мобильность можно оценивать двойственным образом: как социальную монополию, способствующую социальной мобильности членов семьи; как социальную монополию, затрудняющую социальную мобильность «не членов» семьи; как спасительный инструмент в результате отсутствия иных ресурсов для социальной мобильности [20].

Большинство исследователей концентрируются на изучении роли родителей в трансмиссии социального статуса и культурного капитала детям, однако, на взгляд американских социологов, в этих работах совершенно не учитывается фактор воздействия других членов семьи, прежде всего братьев и сестер, выступающих в качестве социальных ресурсов, а не конкурентов за ресурсы родителей [26]. Такой подход определенно бросает вызов теории «разбавления» ресурсов в многодетных семьях [30]. При этом дети, выросшие в стабильных супружеских парах вместе с обоими биологическими родителями (особенно с отцами), достигают больших успехов в образовательной и профессиональной деятельности [29, с. 32]. Практически неизученным, по мнению британских ученых, является вопрос о функциональной роли многопоколенческих домохозяйств с позиции их влияния на жизненный старт молодежи и индивидуальную социальную мобильность, чувство социальной защищенности членов расширенной семьи. Исследователи считают, что многопоколенческая семья – это в целом положительный фактор для жизненного цикла семьи и способности людей из таких семей преодолевать барьеры социальной структуры общества [28].

Итак, по отношению к обществу институт семьи выполняет социально-статусную функцию, формируя его стратификационный профиль.

С противоположной стороны, институциональная матрица общества номинирует место семьи как малой социальной группы в системе иерархических координат. В этой дуальности проблемно-предметного поля исследований и выражается отличие методологии социологического познания брачно-семейных отношений от методологии других научных систем [8]. Материальные, интеллектуальные и духовно-нравственные ресурсы семьи становятся семейным капиталом только в процессе их конвертации в другие виды ресурсов или для получения экономических благ и символических бонусов. Если семейные ресурсы не активируются в интересах социального продвижения семьи и ее отдельных членов, то они представляют собой не более чем шкатулку с фамильными драгоценностями.

ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ СЕМЬИ В ВОСПРОИЗВОДСТВЕ СОЦИАЛЬНО-СТРАТИФИКАЦИОННОГО ПРОФИЛЯ ОБЩЕСТВА

Несмотря на свое функциональное переформатирование институт семьи продолжает играть системообразующую роль в системе факторов воспроизводства социального неравенства. Однако конфигурация этой роли меняется вместе с перестройкой институциональной матрицы общества. Малоизученной в социологической теории стратификации и мобильности остается тема профессиональных династий. О.С. Мосиенко и Г.И. Чикарова на основе контент-анализа газеты «Известия» за период с 1960 по 1969 г. пришли к выводу о значительном влиянии советской печати, артикулирующей заинтересованность государства в формировании положительного образа преемников профессионального труда своих родителей. Подобным образом правящая элита подчеркивала ценность «феномена производственных династий как в социально-профессиональном продвижении отдельно взятого советского гражданина, так и в экономическом развитии целой страны» [17, с. 114].

Концепция государственной семейной политики в РФ на период до 2025 г. предусматривает «проведение информационной кампании по повышению общественного престижа семейного образа жизни, многодетности и многопоколенной семьи путем создания специальных телевизионных передач и радиопередач, ток-шоу, газетных и журнальных рубрик, иных информационных проектов, популяризирующих традиционные семейные ценности и способствующих формированию позитивного отношения к браку, родительству, достойному отношению к старшему поколению и родному дому» [37]. В сегодняшней прессе, на телевидении и тем более в Интернете можно встретить разве что отдельные циклы передач и информационные выпуски о выдающихся правящих, творческих и экономических династиях. В целом же средства массовой коммуникации сосредоточены на семейных скандалах и интригах представителей шоу-бизнеса, журналистских расследованиях этих скандалов и интриг. Более мягким вариантом являются истории о разводах и многоповторных браках медийных личностей. С одной стороны, весь этот информационный поток всего-навсего репрезентирует процессы, типичные для всего российского общества, что говорит об упадке интереса к высокому уровню культуры (художественной литературе, театру, классической музыке, живописи, науке). С другой стороны, этот поток, лишенный

какой-либо идеологической фильтрации, насаждает чужеродные российской ментальности паттерны поведения и мышления, формируя порочный круг невротизации и без того психологически травмированного общества.

Молодые семьи чаще сталкиваются с рисками в сфере материального обеспечения и трудоустройства, а также испытывают повышенные психологические трудности в своем развитии, следствием чего становится ограничение потребностей, отказы от хобби, привычек и желаний [5]. Однако социальные различия зависят не только от стартового объема и структуры человеческого капитала молодой семьи, но и от механизмов реализации адаптационной стратегии, позволяющих супругам генерировать модели решения социальных проблем (прецедентов решения) и моделей действия (прецедентов алгоритмов адаптации), базирующихся на рефлексии ситуации риска [36].

А.В. Верещагина, В.И. Курбатов и А.В. Попов, рассматривая особенности управленческой деятельности в сфере брачно-семейных отношений, высказывают методологически значимую идею о том, что «семья как продукт парадоксального общества одновременно становится и механизмом его воспроизводства» [6, с. 101]. От того, в какой информационной среде социализируется молодой человек, зависит его образ жизненного мира на этапах взросления и создания новой семьи. Нивелировать дефицит семейного капитала и влияние негативного информационного фона можно только с помощью доступной системы образования. Так, Д.Л. Константиновский пишет о необходимости социальной регуляции в сфере образования с целью выравнивания возможностей российской молодежи из всех слоев общества [13, с. 189]. При этом, по мнению видного социолога образования, важно избегать дискриминационных институциональных практик, выражающихся в увеличении жизненных шансов одних людей за счет ограничения возможностей других членов общества.

Зарубежные фамилисты также считают необходимым проводить политику по снижению отрицательного семейного бэкграунда (нестабильности семьи или отсутствия семейных ресурсов) в интересах расширения жизненных шансов детей из социально уязвимых страт. Для того чтобы разорвать замкнутый круг воспроизводства из поколения в поколение неэффективных моделей брачно-семейного поведения подобная политика должна включать три стратегических направления: материальную поддержку одиноких родителей, программы повышения навыков родительства среди необразованных слоев населения, расширение возможностей обучения детей вне дома [29, с. 230].

Американские исследователи доказали зависимость паттернов и траекторий брачно-семейных структур от образовательного уровня мужчин и женщин [34]. Так, родители, имеющие высшее образование (окончившие колледж), в большей степени склонны к заключению официального брака и совместным социальным инвестициям в развитие своих детей. Для менее образованных и малообеспеченных американских пар предпочтительным вариантом остается практика сожителства. В таких семьях уровень социально-экономических и социокультурных инвестиций в детей заметно ниже, в результате чего прогнозируется резкое сокращение шансов на положительную межпоколенческую мобильность и социальный успех

подрастающих детей во взрослой жизни [32]. Зарубежные ученые уделяют внимание также проблемам социальной адаптации детей из семей мигрантов, которые сначала становятся объектом социальной сегрегации в образовательной среде, а в последующей жизни стигматизируются как аутсайдеры, претендуя в наилучшем случае на позиции неквалифицированных рабочих [33].

Однако не стоит испытывать иллюзий по поводу статусного потенциала системы образования. Еще в 1982 г. в прокат вышел легендарный музыкальный фильм А. Паркера «Стена» (по мотивам одноименного студийного альбома группы Пинк Флойд), в котором система британского образования была изображена в виде гигантской мясорубки, перемалывающей в фарш обезличенных детей, покорно передвигающихся сидя за партой, словно зомби, по конвейерной ленте. Данный видеоряд является визуальным воплощением конфликтологической теории заговора о скрытых учебных планах, которые с детства готовят социальные массы к определенным, не слишком высоко котируемым, социально-статусным позициям в обществе.

Если родители располагают ограниченным экономическим капиталом и не могут позволить себе, например, устроить детей в элитную школу с углубленной специализацией по различным предметам или нанимать дорогостоящих репетиторов, но обладают в то же время высоким уровнем культурного капитала, который выражен не столько в уровне образования, сколько в образованности, начитанности, искусной речи, манерах, эстетическом вкусе и житейской мудрости, то шансы формирования у ребенка социального иммунитета к образовательной и социокультурной «мясорубке» возрастают. Семьи с низким уровнем обеспеченности не только экономическими, но и социальными, культурно-образовательными и другими ресурсами, по мнению М.С. Астоянц, находятся в зоне риска социального сиротства [4, с. 220]. К тому же высокое качество внутрисемейных связей сводит к минимуму вероятность интернализации норм девиантного поведения от сверстников или других агентов, являясь профилактикой проблем при установлении значимых социальных контактов в будущем [31, 35].

В качестве иллюстрации возьмем жизненный путь Клайда Гриффитса – главного персонажа романа Т. Драйзера «Американская трагедия». Клайд Гриффитс, живя в очень бедной многодетной семье религиозных проповедников, которые едва сводили концы с концами, с детства мечтал выдвинуться в высший свет общества, при этом не имея даже перспектив получить хоть какое-то образование и профессию ввиду постоянных переездов семьи, фанатично занимающейся миссионерской деятельностью. Однако имея богатых и успешных родственников-фабрикантов в восточной части страны, Клайду все-таки удается войти «в свет» (пусть и ненадолго из-за совершенного им преступления) благодаря фамилии Гриффитс и врожденному (либо приобретенному) чувству такта и умению держать себя в обществе. «Золотая молодежь» вымышленного Т. Драйзером города Ликурга, несмотря на очевидные финансовые затруднения Клайда, принимает его почти как своего. Вместе с тем истинное социальное происхождение, гнетущее чувство недолюбленности и ограниченность в средствах все равно образуют жесткие фреймы, не позволяя Клайду Гриффитсу вступить в брачный союз с желанной девушкой Сондрой Финчли из преуспевающей семьи.

Почти в любом литературном произведении, театральной постановке или киноленте сквозным действием прочерчивается семейная линия героев, маркирующая социальную дистанцию между предписанными и достигаемыми статусами в конкретно-исторических условиях. Мастерство, с которым это делают писатели, режиссеры, сценаристы, актеры иногда заставляет задуматься о том, что представители творческой интеллигенции улавливают специфику брачно-семейных отношений, возможно, намного тоньше ученых-фамилистов.

Рассуждая о профессиональных династиях (на примере семей врачей), О.А. Нор-Аревян наряду с позитивными выделяет также деструктивные аспекты трансляции профессионального статуса, а именно: монополизацию профессионально-статусных позиций посредством продвижения родственно-семейных кланов, формирование конфликтности профессиональной идентичности будущего специалиста (на групповом и личностном уровнях), девальвацию этического кодекса [19]. Л.В. Клименко и О.Ю. Посухова связывают массовую утерю ценностно-смысловых оснований групповой солидарности социетально значимых семейно-профессиональных групп (педагогов, медицинских работников, кадровых военных) с переформатированием в перестроечное время социальной структуры российского общества, в результате чего произошла нисходящая групповая мобильность социально-профессиональных страт, деятельность которых была напрямую связана с поддержкой государственной власти и обеспечением ее легитимности [12, с. 439]. Несмотря на амбивалентный социально-исторический анамнез постсоветского общества, в современной научной литературе доминирует когнитивная установка на изучение креативного потенциала профессиональных династий, ибо система социально-кратических компетенций позволяет осуществлять представителям профессиональных династий транспрофессиональную мобильность, в которой «члены семьи могут и не продолжать карьерное продвижение в профессиональной сфере, уже освоенной их родственниками, но занимать меньшие статусные позиции в других профессиональных областях (смежных или совсем не связанных с династийными)» [18, с. 75].

Функционально значимым социально-дифференцирующим фактором формирования неравенства, как показывает исследование Н.П. Сидоровой и В.Е. Салтыковой, является досуг и досуговые предпочтения, особенно если речь идет о социальной дифференциации молодых семей [22]. В современной социологии наблюдается смещение фокуса с изучения классических критериев социального расслоения (доход, собственность, образование, социальный, профессиональный и кратический статусы) на выявление его символических референтов, таких как стиль жизни, особенности потребления, увлечения, привычные места отдыха и развлечений. У кого больше шансов на жизненный и профессиональный успех: человека, который привык с детства, подросткового возраста свое свободное от учебы и обязанностей по дому время проводить с пользой для здоровья, саморазвития (спорт и физические активности, обучение музыкальной грамоте, живописи, посещение театров, выставок, галерей, путешествия, чтение и просмотр познавательных телепередач) или в праздном безделье (сон, просмотр фильмов,

игра на компьютере, бесцельные прогулки по улицам с приятелями), даже родившись в богатой семье?

Чем эффективнее семьи будут справляться с социально-статусной функцией, чем более самодостаточными и автономными они будут в финансовом плане, тем меньше окажется нагрузка на государственные фонды и общественные институты. Как следствие, пойдут на спад патерналистские настроения. Однако социально-статусная функция в современном обществе перестает быть функцией семьи как социального института, скорее она трансформируется в дополнительную опцию семьи, но уже как малой социальной группы, потому что экономический фундамент новой молодой семьи зависит в большей степени от усилий новобрачных, тогда как в традиционном обществе этот фундамент закладывался родителями или другими близкими родственниками [25]. К тому же, на взгляд М.И. Левина и К.А. Матросовой, в ранних унитарных моделях (моделях общих предпочтений) экономики семейных отношений подразумевалось, что «семья действует как единый агент, руководствуясь некими групповыми предпочтениями, ограниченными совместным бюджетом» [15, с. 168]. Исходя из этого формировалась социально-экономическая политика по поддержке семьи, несмотря на очевидность того факта, что основные решения принимаются несколькими членами семьи. Поэтому, как полагают исследователи, сегодня возникла необходимость перехода от унитарной модели к модели коллективной (модель группового принятия решений в домохозяйстве) при рассмотрении широкого круга вопросов экономики семьи и социального продвижения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Задача социологии семьи на современном этапе развития общества состоит в построении многофакторных моделей социальной дифференциации. Так, исследуя социальные проблемы семьи в контексте труда и занятости недальновидно не принимать в расчет систему образования, которая в свою очередь зависит от социально-экономической ситуации и политической конъюнктуры в регионе или стране. Плюс ко всему любые социальные процессы опосредуются нормативно-символическим пространством – культурой общества в самом широком ее понимании. Перспективными вопросами для отечественной фамилистики, требующими более глубокой социологической рефлексии в будущем, являются: влияние брачно-семейных установок на траекторию индивидуальной социальной мобильности, деструктивный и креативный потенциал профессиональных династий и семейного предпринимательства, проблемы внутрисемейной конкуренции, формы социально-экономического насилия в семье, трансформация рынка труда с учетом динамики гендерной культуры.

В семье на рефлексивном и нерефлексивном уровнях психики закладывается сценарная программа, формирующая интуитивное, по П. Бурдье, «чувство позиции», которое словно гвоздезабивным пистолетом приковывает человека к определенному месту в социальном пространстве, невзирая на все его возможности и потенциалы. И только способность нарушить «нормальный» уклад своей повседневной жизни и разорвать привычный

ход своих мыслей, блуждающих по «обкатанным» годами нейронным дугам, позволяет скорректировать модели социального поведения в различных сферах.

Именно поэтому в российских и зарубежных фамилистических исследованиях происходит методологическая переориентация с количественной социологической диагностики роли традиционных факторов социального неравенства (доход, образование, профессиональный статус, кратические ресурсы членов семьи) на неформализованные процедуры, заточенные на выявление «невидимых» социокультурных детерминант (характер и частота внутрисемейной коммуникации, социальные связи семьи, формы семейного культурного капитала, стиль жизни). Однако, несмотря на высокий эвристический потенциал, мягкие интерпретативные методики скорее являются способом постановки новых гипотез, нежели инструментом решения фундаментальных вопросов социологии семьи, а постнеклассические концепты как бы растворяют саму идею семьи как социального института. Идеино-методологический разброд приводит к практическим дискуссиям о границах и назначении государственной семейной политики в различных странах, должна ли она быть направленной на выравнивание жизненных возможностей и, как следствие, сглаживание несправедливых социальных различий в обществе, либо на обеспечение зоны минимального жизненного комфорта для социально нестабильных семейных структур.

Литература

1. *Аперян А.В.* Типологические особенности современной российской семьи как источник воспроизводства социального неравенства // *Гуманитарий Юга России.* 2019. № 5. С. 159–168.
2. *Аперян А.В., Ковалев В.В.* Влияние семьи на характеристики социального неравенства: анализ социологического дискурса // *Социально-гуманитарные знания.* 2019. № 11. С. 73–78.
3. *Аперян А.В., Тарасенко Л.В.* Методологические основы изучения семьи как фактора воспроизводства социального неравенства // *Гуманитарий Юга России.* 2019. № 2. С. 187–195.
4. *Астоянц М.С.* Неблагополучная семья как причина безнадзорности и социального сиротства (на материале Ростовской области) // *Социальная политика и социология.* 2014. Т. 2. № 1 (102). С. 213–222.
5. *Башиева А.Ю.* Особенности и проблемы молодых семей в России на современном этапе // *Научный электронный журнал «Меридиан».* 2019. № 12 (30). С. 276–278.
6. *Верещагина А.В., Курбатов В.И., Попов А.В.* Неблагополучное детство в России: парадоксы управленческой реальности в сфере семейных отношений // *Вестник Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасского политехнического института).* Серия: Социально-экономические науки. 2018. № 1. С. 100–106.
7. *Вялых Н.А.* Социология семьи. Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2020. 110 с.
8. *Вялых Н.А.* Социология семьи: междисциплинарные связи и специфика проблемно-предметного поля // *Вестник НГУЭУ.* 2020. № 2. С. 259–270.
9. *Гурко Т.А.* Становление социологии семьи в России // *Социологические исследования.* 2018. № 6. С. 40–52.
10. *Дементьева И.Ф., Голенкова З.Т.* Теория семейного воспитания в общетеоретическом контексте социальных наук // *Вестник Российского университета дружбы народов.* Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 3. С. 542–554.

11. *Зубок Ю.А., Чупров В.И.* Саморегуляция смысложизненных ценностей в культурном пространстве молодежи // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10. № 4. С. 164–186.
12. *Клименко Л.В., Посухова О.Ю.* Карьерные ориентации социетально значимых профессиональных групп российских мегаполисов в условиях прекариатизации // Россия реформирующаяся. 2018. № 16. С. 437–454.
13. *Константиновский Д.Л.* Измерение неравенства в образовании // Россия реформирующаяся. 2018. № 16. С. 171–191.
14. *Курбатов А.В., Амлаев К.Р.* Роль семьи, образования, трудовой занятости и принадлежности к определенным социальным группам в формировании неравенства в здоровье // Вестник Ставропольского государственного университета. 2011. № 2. С. 167–172.
15. *Левин М.И., Матросова К.А.* Экономика семьи. Принятие решений домохозяйствами // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2017. № 3. С. 168–171.
16. *Мазаева Н.И.* Семейные отношения в контексте социальных трансформаций // Общество: философия, история, культура. 2019. № 2 (58). С. 27–30.
17. *Мосиенко О.С., Чакарова Г.И.* Репрезентация профессиональных династий в советской печати 1960-х годов (на материалах контент-анализа газеты «Известия») // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 11. С. 105–114.
18. *Мостовая И.В., Посухова О.Ю., Клименко Л.В.* Методологические аспекты исследования профессиональных династий в российском обществе // Гуманитарий Юга России. 2019. Т. 8. № 6. С. 70–82.
19. *Нор-Аревян О.А.* Кризис профессиональных династий и деструктивные последствия вынужденного воспроизводства профессии врача // Общество: социология, психология, педагогика. 2019. № 11 (67). С. 24–30.
20. *Посухова О.Ю.* Семейный капитал как фактор профессиональной мобильности на Юге России // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 11. С. 45–51.
21. *Сидорова Н.П.* Семья как социальный институт воспроизводства бедности // Власть и управление на Востоке России. 2011. № 2 (55). С. 114–118.
22. *Сидорова Н.П., Салтыкова В.Е.* Досуговые предпочтения как фактор социальной стратификации молодых семей // Власть и управление на Востоке России. 2013. № 3 (64). С. 150–154.
23. *Смирнова Т.В., Понукалина О.В.* Трансформирование роли родительской семьи в социальной мобильности молодежи в России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2018. Т. 18. № 2. С. 140–145.
24. *Ушкова Ю.В.* Влияние семейного капитала на реализацию жизненных планов молодого поколения // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2017. № 4. С. 88–98.
25. *Шахбанова М.М., Верещагина А.В., Самыгин С.И.* Жизненный мир молодой семьи и проблемы его формирования в условиях парадоксальной российской реальности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 9. С. 59–66.
26. *Alcaraz M., Gibby A.L., Luke N.* Non-parental family members as brokers of family social capital: Compensatory time use in India // Social Sciences. 2020. № 9 (12). P. 1–11.
27. *Brock R.L., Laifer L.M.* Family Science in the Context of the COVID-19 Pandemic: Solutions and New Directions // Family Process. 2020. Vol. 59. № 3. P. 1007–1017.
28. *Burgess G., Muir K.* The Increase in Multigenerational Households in the UK: The Motivations for and Experiences of Multigenerational Living // Housing, Theory and Society. 2020. № 37 (3). P. 322–338.
29. *Cahn N.R., Carbone J., DeRose L.F., Wilcox W.B.* Unequal Family Lives: Causes and Consequences in Europe and the Americas. Cambridge University Press, 2018. 350 p.
30. *Haider S.J., McGarry K.* Parental Investments in College and Later Cash Transfers // Demography. 2018. № 55 (5). P. 1705–1725.

31. *Hoffmann J.P., Thorpe J.D., Dufur M.J.* Family social capital and delinquent behavior in the United Kingdom // *Social Sciences*. 2020. № 9 (10). P. 1–15.
32. *Layte R.* Why Do Working-Class Kids Do Worse in School? An Empirical Test of Two Theories of Educational Disadvantage // *European Sociological Review*. 2017. № 33 (4). P. 489–503.
33. *Li N., Placier P.* Migrant and non-migrant families in Chengdu, China: Segregated lives, segregated schools // *Social Sciences*. 2015. № 4 (2). P. 339–360.
34. *Lundberg S., Pollak R.A., Stearns J.* Family Inequality: Diverging Patterns in Marriage, Cohabitation, and Childbearing // *The Journal of Economic Perspectives*. 2016. Vol. 30. № 2. P. 79–101.
35. *Turley R.N.L., Gamoran A., McCarty A.T., Fish R.* Reducing children's behavior problems through social capital: A causal assessment // *Social Science Research*. 2017. № 61. P. 206–217.
36. *Свечкарев В.П., Сердюченко Я.В.* Адаптивные модели преодоления рисков жизненного мира молодой семьи // *Инженерный вестник Дона*. 2018. № 3 (50). URL: <http://www.ivdon.ru/ru/magazine/archive/n3y2018/5110> (дата обращения: 25.12.2020).
37. Распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014 N 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» // *Официальный портал Правительства РФ*. С. 16. URL: <http://government.ru/docs/14494> (дата обращения: 25.12.2020).

Bibliography

1. *Aperjan A.V.* Tipologicheskie osobennosti sovremennoj rossijskoj sem'i kak istochnik vosпроизводства social'nogo neravenstva // *Gumanitarij Juga Rossii*. 2019. № 5. P. 159–168.
2. *Aperjan A.V., Koval'ov V.V.* Vlijanie sem'i na harakteristiki social'nogo neravenstva: analiz sociologicheskogo diskursa // *Social'no-gumanitarnye znanija*. 2019. № 11. P. 73–78.
3. *Aperjan A.V., Tarasenko L.V.* Metodologicheskie osnovy izuchenija sem'i kak faktora vosпроизводства social'nogo neravenstva // *Gumanitarij Juga Rossii*. 2019. № 2. P. 187–195.
4. *Astojanc M.S.* Neblagopoluchnaja sem'ja kak prichina beznadzornosti i social'nogo sirotstva (na materiale Rostovskoj oblasti) // *Social'naja politika i sociologija*. 2014. T. 2. № 1 (102). P. 213–222.
5. *Baisheva A.Ju.* Osobennosti i problemy molodyh semej v Rossii na sovremennom jetape // *Nauchnyj jelektronnyj zhurnal «Meridian»*. 2019. № 12 (30). P. 276–278.
6. *Vereshhagina A.V., Kurbatov V.I., Popov A.V.* Neblagopoluchnoe detstvo v Rossii: paradoksy upravlencheskoj real'nosti v sfere semejnyh odnoszenij // *Vestnik Juzhno-Rossijskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta (Novocherkasskogo politehnicheskogo instituta)*. Serija: Social'no-jekonomicheskie nauki. 2018. № 1. P. 100–106.
7. *Vjalyh N.A.* Sociologija sem'i. Rostov-na-Donu; Taganrog: Izdatel'stvo Juzhnogo federal'nogo universiteta, 2020. 110 p.
8. *Vjalyh N.A.* Sociologija sem'i: mezhdisciplinarnye svjazi i specifika problemno-predmetnogo polja // *Vestnik NGUJeU*. 2020. № 2. P. 259–270.
9. *Gurko T.A.* Stanovlenie sociologii sem'i v Rossii // *Sociologicheskie issledovanija*. 2018. № 6. P. 40–52.
10. *Dement'eva I.F., Golenkova Z.T.* Teorija semejnogo vospitanija v obshheteoreticheskom kontekste social'nyh nauk // *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov*. Serija: Sociologija. 2018. T. 18. № 3. P. 542–554.
11. *Zubok Ju.A., Chuprov V.I.* Samoreguljacija smyslozhiznennyh cennostej v kul'turnom prostranstve molodjozhi // *Vestnik Instituta sociologii*. 2019. T. 10. № 4. P. 164–186.

12. *Klimenko L.V., Posuhova O.Ju.* Kar'ernye orientacii societal'no znachimyh professional'nyh grupp rossijskih megapolisov v uslovijah prekariatizacii // *Rossija reformirujushhajasja*. 2018. № 16. P. 437–454.
13. *Konstantinovskij D.L.* Izmerenie neravenstva v obrazovanii // *Rossija reformirujushhajasja*. 2018. № 16. P. 171–191.
14. *Kurbatov A.V., Amlaev K.R.* Rol' sem'i, obrazovanija, trudovoj zanjatosti i prinadlezhnosti k opredelennym social'nym gruppam v formirovanii neravenstva v zdorov'e // *Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 2011. № 2. P. 167–172.
15. *Levin M.I., Matrosova K.A.* Jekonomika sem'i. Prinjatie reshenij domohozjajstvami // *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta*. Serija: Jekonomika i upravlenie. 2017. № 3. P. 168–171.
16. *Mazaeva N.I.* Semejnye otnoshenija v kontekste social'nyh transformacij // *Obshhestvo: filosofija, istorija, kul'tura*. 2019. № 2 (58). P. 27–30.
17. *Mosienko O.S., Chikarova G.I.* Rerezentacija professional'nyh dinastij v sovetskoj pečati 1960-h godov (na materialah kontent-analiza gazety «Izvestija») // *Social'no-gumanitarnye znanija*. 2019. № 11. P. 105–114.
18. *Mostovaja I.V., Posuhova O.Ju., Klimenko L.V.* Metodologicheskie aspekty issledovanija professional'nyh dinastij v rossijskom obshhestve // *Gumanitarij Juga Rossii*. 2019. T. 8. № 6. P. 70–82.
19. *Nor-Arevjan O.A.* Krizis professional'nyh dinastij i destruktivnye posledstvija vyzhdenennogo vosproizvodstva professii vracha // *Obshhestvo: sociologija, psihologija, pedagogika*. 2019. № 11 (67). P. 24–30.
20. *Posuhova O.Ju.* Semejnyj kapital kak faktor professional'noj mobil'nosti na Juge Rossii // *Social'no-gumanitarnye znanija*. 2013. № 11. P. 45–51.
21. *Sidorova N.P.* Sem'ja kak social'nyj institut vosproizvodstva bednosti // *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii*. 2011. № 2 (55). P. 114–118.
22. *Sidorova N.P., Saltykova V.E.* Dosugovye predpochtenija kak faktor social'noj stratifikacii molodyh semej // *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii*. 2013. № 3 (64). P. 150–154.
23. *Smirnova T.V., Ponukalina O.V.* Transformirovanie roli roditel'skoj sem'i v social'noj mobil'nosti molodezhi v Rossii // *Izvestija Saratovskogo universiteta*. Novaja serija. Serija: Sociologija. Politologija. 2018. T. 18. № 2. P. 140–145.
24. *Ushkova Ju.V.* Vlijanie semejnogo kapitala na realizaciju zhiznennyh planov mladogo pokolenija // *Izvestija Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta*. Gumanitarnye nauki. 2017. № 4. P. 88–98.
25. *Shahbanova M.M., Vereshhagina A.V., Samygin S.I.* Zhiznennyj mir mladodj sem'i i problemy ego formirovanija v uslovijah paradoksal'noj rossijskoj real'nosti // *Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshhestvennye nauki*. 2018. № 9. P. 59–66.
26. *Alcaraz M., Gibby A.L., Luke N.* Non-parental family members as brokers of family social capital: Compensatory time use in India // *Social Sciences*. 2020. № 9 (12). P. 1–11.
27. *Brock R.L., Laifer L.M.* Family Science in the Context of the COVID-19 Pandemic: Solutions and New Directions // *Family Process*. 2020. Vol. 59. № 3. P. 1007–1017.
28. *Burgess G., Muir K.* The Increase in Multigenerational Households in the UK: The Motivations for and Experiences of Multigenerational Living // *Housing, Theory and Society*. 2020. № 37 (3). P. 322–338.
29. *Cahn N.R., Carbone J., DeRose L.F., Wilcox W.B.* Unequal Family Lives: Causes and Consequences in Europe and the Americas. Cambridge University Press, 2018. 350 p.
30. *Haider S.J., McGarry K.* Parental Investments in College and Later Cash Transfers // *Demography*. 2018. № 55 (5). P. 1705–1725.
31. *Hoffmann J.P., Thorpe J.D., Dufur M.J.* Family social capital and delinquent behavior in the United Kingdom // *Social Sciences*. 2020. № 9 (10). P. 1–15.
32. *Layte R.* Why Do Working-Class Kids Do Worse in School? An Empirical Test of Two Theories of Educational Disadvantage // *European Sociological Review*. 2017. № 33 (4). P. 489–503.

33. *Li N., Placier P.* Migrant and non-migrant families in Chengdu, China: Segregated lives, segregated schools // *Social Sciences*. 2015. № 4 (2). P. 339–360.
34. *Lundberg S., Pollak R.A., Stearns J.* Family Inequality: Diverging Patterns in Marriage, Cohabitation, and Childbearing // *The Journal of Economic Perspectives*. 2016. Vol. 30. № 2. P. 79–101.
35. *Turley R.N.L., Gamoran A., McCarty A.T., Fish R.* Reducing children's behavior problems through social capital: A causal assessment // *Social Science Research*. 2017. № 61. P. 206–217.
36. *Svechkarev V.P., Serdjuchenko Ja. V.* Adaptivnye modeli preodolenija riskov zhiznennogo mira molodoj sem'i // *Inzhenernyj vestnik Dona*. 2018. № 3 (50). URL: <http://www.ivdon.ru/ru/magazine/archive/n3y2018/5110> (data obrashhenija: 25.12.2020).
37. Rasporjazhenie Pravitel'stva RF ot 25.08.2014 N 1618-r «Ob utverzhdenii Konceptcii gosudarstvennoj semejnoj politiki v Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda» // Oficial'nyj portal Pravitel'stva RF. P. 16. URL: <http://government.ru/docs/14494> (data obrashhenija: 25.12.2020).